

Алексей Писемский

Старая барыня

Алексей Феофилактович Писемский

Старая барыня

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661275

*А.Ф.Писемский. Собр. соч. в 9 томах. Том 2: Издательство «Правда»,
биб-ка «Огонек»; М.: 1959*

Аннотация

«В селе В...е была последняя станция, на которую приехал я в родные пределы свои на почтовых, и потому велел себя везти на постоянный двор. Его держала знакомая старуха, по прозванию Грачиха и вор-баба, как обыкновенно прибавляли знающие ее – и бабы и мужики: небольшого роста, с лицом багровым, как из красной меди, толстая, но еще проворная, услужливая, говорунья без умолку, особенно когда навеселе, а навеселе почти целый день с утра до полуночи...»

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

19

Алексей Феофилактович Писемский Старая барыня *Рассказ*

* * *

В селе В.....е была последняя станция, на которую приехал я в родные пределы свои на почтовых, и потому велел себя везти на постоялый двор. Его держала знакомая старуха, по прозванию Грачиха и вор-баба, как обыкновенно прибавляли знающие ее – и бари и мужики: небольшого роста, с лицом багровым, как из красной меди, толстая, но еще проворная, услужливая, говорунья без умолку, особенно когда навеселе, а навеселе почти целый день с утра до полуночи. Подъехал я ночью, перезяб, как водится, до костей. Ощупью вошел по знакомой лесенке и отворил калитку в сени. В полумраке мерцала тоненькая сальная свечка в железном подсвечнике, воткнутом в столб, да из длинной трубы самовара вырывалось пламя от зажженной лучины; смутно видневшаяся лошадиная морда старательно грызла перилы, отделяющие сени от двора. Из отворенных дверей избы валил пар

клубами.

– Хозяйка, старый хрен, господа приехали! – крикнул я.

– Ай, батюшки! Господа и есть, – слышался голос старухи, а затем она и сама появилась.

– В горницу пожалуйте, сударики, сюда, сюда, господа честные! – говорила она.

Я вошел. Сильно нагретым и удушливым воздухом так и обдало меня.

– Старая, у тебя угарно! – сказал я.

– Нет, сударик, нету, с утра еще топлено, – отвечала старуха, а сама, впрочем, засунула жирную руку в отдушину и вытаскивала оттуда вьюшки.

Я между тем раздевался.

– Батюшки! – воскликнула старуха, всплеснув руками. – На-ка, барин-то знакомый, а я, старая дура, и не признала, на-ка! Откуда изволишь ехать?

– Из Питера.

– Ну, вот откуда. Не узнала я, не узнала, раздобрел больно, какой дюжий стал. Иван Петрович, сударь, недавно проезжали.

– Какой Иван Петрович? – спросил я.

– Иван Петрович Сорокин, чтой-то, словно не знаешь, благоприятели, чай?

Никакого Ивана Петровича Сорокина и во сне не видел, но, догадываясь, что старуха хочет что-нибудь рассказать про Ивана Петровича, притворился.

– А что же? – спросил.

Старуха только махнула рукой.

– Ой, не говори уж лучше, такая у них этта пановщина была с барыней-то, что хоть до нехорошего... Мирила, мирила их, да и полно!

– Повздорили! – заметил я.

– Шибко, – отвечала старуха, – в грошовом калаче дело вышло, барин-то скупенек; сам вон кузовья покупает, чтоб хошь копейку какую выторговать; ну и принес с базара грошовый калач, да и потчует барыню, а той не нравится, из того и пошло: «Ты, говорит, мне все делаешь напротив», а та стала корить: «Ты, говорит, душенька, меня только мякиной и кормишь», ну и почали, согрешила я, грешная, с ними.

– И что же? – спросил я.

– Ничего, побрались, – отвечала старуха; и потом, вдруг переменяя насмешливое выражение на грустное, произнесла печальным голосом: – Тетенька-то твоя, батюшка, Марья Николавна, померла.

– Какая тетенька Марья Николавна? – спросил я.

– Ой, да Ометкина-то, чтой-то в Питере-то всех переэбыл.

– Ну, баушка, провралась, такой тетки у меня не бывало, – проговорил я.

– На, аль взаправду это не тебе тетка-то? Так, так, так!.. Николаю Егорычу Бекасову, вот ведь чья она тетка-то, – вывернулась старуха. – Похороны, сударь, были богатеющие,

совершали, как должно, не жалеючи денег. Что было этого духовенства, что этой нищей братии!.. – продолжала она, поджимая руки и приготавливаясь, кажется, к длинному рассказу. Но в это время из соседней комнаты послышался треск и закричал сиплый голос:

– Пусти меня, кто меня смеет вязать. Ванька... хозяин мой... подлец, дай водки! Пусти меня... – и снова треск.

– Успокойте себя, Владимир Васильич, просим вас покорнейше, сусните хоть немножко, право слово, вам легче будет! – отвечал фистулой другой голос.

– Легче? Легости мне не надо. Я, значит, гуляю, а ты подлец – вот весь мой разговор с тобой, и кончено! – произнес сиплый голос и потом запел:

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял!¹

– Кто там такой? – спросил я.

– Охотник, батюшка... мужички в рекруты везут сдавать за себя... охотник загулял, – отвечала хозяйка.

– Что же трещит там такое?

– Ну, да хмелен уж очень, так посвязали его... опасаются тоже, чтобы чего не случилось, сюда-то уж приехал до зелена змея пьяный, да и здесь еще полштофа выпил, ну так и

¹ Гусар, на саблю опираясь – первый стих «Разлуки» К.Н.Батюшкова (1787—1855), ставшей популярным романсом.

опасаются, посвяжали.

– В таком случае, тетка, пусти меня в избу, здесь угарно, да и пьяный, – сказал я, вставая.

– Батюшка, да в избе-то тараканы, морозила, морозила, не переводятся окаянные, да и только.

– Нет, ничего, я не боюсь тараканов.

– Ну, как изволишь, – отвечала старуха и стала провожать меня, бормоча:

– Опасаются тоже, пятьсот рублей уж прогулял, пожалуй, еще облопается – и пропали денежки.

Изба, куда я вошел, была большая и обрядная, стены струганные, печь белая, перегородка от нее дощаная, лавки и поллицы чисто вымытые. В переднем углу под образами стоял стол, за которым сидел старик с бритой бородой, с двумя седыми клочками волос на висках, с умным выражением в лице и, как видно, слепой. Одет он был в синий, старинного покроя, суконный сюртук, из-под которого виднелась манишка с брыжами и кашемировый полосатый жилет, тоже, должно быть, очень старинный. Весь этот ветхий костюм его был чист и сбережен наперекор, кажется, самому времени. Рядом с ним помещалась тоже очень опрятная и благообразная старушка, в худеньком старом капоре и в ситцевом ватном капоте. На первый взгляд я подумал, что это бедные дворяне. При входе моем старушка сейчас встала, сказала что-то старику, тот приподнялся, и оба поклонились мне.

– Садитесь, пожалуйста, место будет, – сказал я.

– Ничего, сударь, – отвечала старушка каким-то жеманным голосом, отодвигая свои скудные пожитки в мешочке.

– Сидите, пожалуйста, – повторил я.

Старик прислушался к моим словам и, ощупав с осторожностью слепца лавку, сел, а потом, опершись на свою клюку, уставил на меня свои мутные глаза; старушка не садилась и продолжала стоять в довольно почтительной позе. Я догадался, что это не дворяне.

– Куда едете, любезные? – спросил я.

– В губернский город, милостивый государь, – отвечал старик печальным голосом.

– Дедушки, батюшка, охотника этого; провожают его... дедушки, – подхватила хозяйка, ставившая на стол самовар.

– Деды этого молодца? – сказал я.

– Деды, – отвечал, глубоко вздохнув, старик и потупил свою седую голову.

– А званья какого?

– Мещане, ваше высокородие.

– Из роду мещане?

– Никак нет-с, напередь того были господские люди.

– Не в эком бы месте внуку Якова Иваныча надо быть, – вмешалась хозяйка, – вот при нем, при старичке, говорю, – продолжала она, – в свою пору был большой человек, куражливый. Приедет, бывало, на квартиру, так знай, хозяйка, что делать, не подавай вчерашнего кушанья или самовар нечищенный.

Старик горько улыбнулся.

– Не думали и мы, сударыня, что наше родное детище будет таким, – проговорила старушка своим жеманным и несколько плаксивым тоном.

– Что говорить, мать моя, что говорить! – подхватила хозяйка, тоже плачевным тоном.

– Остался после дочери моей родной, – продолжала старушка, – словно ненаглядный брильянт для нас; думали, утехой да радостью будет в нашем одиночестве да старости; обучали как дворянского сына; отпустили в Москву по торговой части к людям, кажется, хорошим.

– Что говорить, что говорить, мать моя, – подхватила еще раз хозяйка.

– Что ж он, загулял там? – спросил я.

– Бог знает, сударь, как сказать, хозяева ли обижали или сам себя не поберег, – отвечала старушка.

Старик горько улыбнулся и перебил жену:

– Он еще с детства себя не берег, оттого, что в баловстве родился и вырос; другие промышленники по этому же делу, еще в мальчиках живши, в дома присылают, а наш все из дому пишет да требует: посылали, посылали, наконец, сами в разоренье пришли. А тут слышим, что по таким делам пошел, что, пожалуй, и в острог попадет. Стали писать и звать, так только через два года явился: пришел наг и бос. Обули, одели, думая, что в наших глазах исправленье будет, а вместо того с первой же недели потащил все из дому в кабак...

С каждым словом в голосе старика слышалось более и более строгости, а на глазах старушки навернулись слезы.

– Чьих же вы господ были? – спросил я, чтобы прекратить этот, видимо, тяжелый для них разговор.

– Господ мы были: госпожи гоф-интенданши² Пасмуровой, – отвечал слепец внушительно.

– Гоф-интендантши Пасмуровой, – повторил я, припоминая, что мне еще матушка рассказывала что-то такое о гоф-интендантше Пасмуровой как о большой, по-тогдашнему, барыне.

– Ваша госпожа была здесь довольно знатное и известное лицо? – сказал я.

При этом вопросе лицо старика окончательно просветлело.

– Госпожа наша, – начал он, не торопясь и с ударением, – была, может, наипервая особа в России: только званье имела, что женщина была; а что супротив их ни один мужчина говорить не мог. Как ими сказано, так и быть должно. Умнейшего ума были дама.

– Хорошо, говорят, жила, открыто? – спросил я.

– По-царски или как бы фельдмаршалше какой подобает. Своей братьи помещиков круглый год неразъездная была. В доме сорок комнат, и то по годовым праздникам тесно быва-

² Гоф-интендантша – жена придворного чиновника, заведовавшего дворцами и садами. С 1797 года Гофинтендантская контора была подчинена обер-гофмаршалу.

ло. Словно саранчи налетит с мамками, с детками, с няньками, всем прием был, – заключил старик каким-то чехвальным тоном. Я понял, что передо мной один из тех старых слуг прежних барь, которые росли и старелись, с одной стороны, в модном, по-тогдашнему, тоне, а с другой – под палкой...

– Ты, верно, управителем был? – спросил я.

– Я был, сударь, – отвечал старик, зажимая глаза и как бы сбираясь с мыслями, – был, по-нашему, по-старинному сказать, главный дворецкий: одно дело – вся лакейская прислуга, а их было человек двадцать с музыкантами, все под моей командой были, а паче того, сервировка к столу: покойная госпожа наша не любила, чтобы попросту это было, каждый день парад! А другое: зрение они слабое имели, и по той причине письма под диктовку их писал, по делам тоже в присутственных местах хождение имел, так как я грамоте хорошо обучен и хоть законов доподлинно не знаю, а все с чиновниками мог разговаривать, умел, как и что сказать; до пятидесяти лет, сударь, моей жизни, кроме шелковых чулков и тонкого английского сукна фрака, другого платья не нашивал. Дай бог царство небесное, пользовался милостями госпожи моей!

– Нынче уж таких господ нет, – сказал я.

– Никак нет-с, да и быть, сударь, не может. Не имею чести знать, кто вы такие, а по слепоте моей и лица вашего не вижу; таких господ уже нет! – отвечал старик, как бы удерживаясь

говорить со мною откровенно.

– Я здешний помещик, и мне бы очень хотелось порасспросить тебя о старых господах.

Старик вздохнул.

– Девяносто седьмой год, сударь, живу на свете и большую вижу во всем перемену: старые господа, так надо сказать, против нынешних орлы перед воробьями! – проговорил он, значительно мотнув головою.

– Отчего же это? – спросил я.

Старик в раздумье развел руками.

– Первое дело, – начал он, – что все состоянием-то как-то порасстроились, да и духу уж такого не имеют; у нынешних господ как-то уж совсем поведение другое, а прежде жили просто; всего было много: хлеба, скота, винная седка тоже своя, одних наливок – так бочками заготовлялось, медов этих, браг сладких! Веселились да гуляли или теперь, бывало, этих шутов и шутих свезут всех вместе у кого-нибудь на празднике, да и напустят друг на дружку, те и дерутся, забавляют господ, а нынче дворянство как-то и компании друг с другом мало ведут, все больше в книгах забаву имеют.

На этом месте старик приостановился, но потом вдруг начал с одушевлением:

– Да и много ли нынче господ по усадьбам проживают? Разве какой старый да хворый, а то все, почесть, на службе состоят, а уж из этаких-то больших персон, так и нет никого; хошь бы теперь взять: госпожа наша гоф-интенданша, –

продолжал он почти с умилением, – какой она гонор по губернии имела: по-старинному наместника, а по-нынешнему губернатора, нового назначают, он еще в Петербурге, а она уж там своим знакомым министрам и сенаторам пишет, что так как едет к нам новый губернатор, вы скажите ему, чтобы он меня знал, и я его знать буду, а как теперь дали ей за известие, что приехал, сейчас изволит кликать меня. Я являюсь, делаю мой реверанс. «Слушай, говорит, Яков Иванов! – в нос всегда изволили немного выговаривать. – Слушай! Приехал новый губернатор, возьми ты лучшую тройку, поезжай ты в Кострому, ступай ты к такому-то золотых дел мастеру, возьми по моей записке серебряную лохань, отыщи ты, где хочешь, самолучших мерных стерлядей, а еще приятнее того – живого осетра, явись ты от моего имени к губернатору, объяви об себе, что так и так, госпожа твоя гоф-интенданша, по слабости своего здоровья, сама приехать не может, но заочно делает ему поздравление с приездом и, как обывательница здешняя, кланяется ему вместо хлеба-соли рыбой в лохане». Тот принимает, мне сейчас отличное угощение делают, госпоже нашей изволят они писать письмо.

– Дружелюбие, значит, и началось, – заметил я в тон старику.

– Именно, что дружелюбие, слово ваше справедливое! – подхватил он. – По той причине, что как теперь его превосходительство начальник губернии изволят на ревизию поехать, так и к нам в гости, и наезды бывали богатеющие: ны-

нешние вот губернаторы, как видали и слыхали, с форсом тоже ездят, приема и уважения себе большого требуют, страх хоша бы маленьким чиновникам от них великий бывает, но, зная все это по старине, нынешние против того ничего не значат.

– А прежде что ж? – спросил я.

Яков Иванов пригнул на некоторое время голову на сторону и начал:

– Прежде, сударь, бывало, губернатор по губернии ехал, аки владыко земной: что одних чиновников этих при особе его состояло, что этого дворянства по дороге пристанет. Один был, не смею имени его наименовать, такс супругой еще всегда изволили по губернии ездить, а те, с позволения сказать, по женской своей слабости, к собачкам пристрастие имели. Про собачек этих особый экипаж шел, а для охранения их нарочный исправник ехал, да как-то по нечаянности одну собачку и потерял, так ее превосходительство губернаторша, невзирая на свой великий сан, по щеке его ударила при всей публике да из службы еще за то выгнали, времена какие были-с.

– Хорошие были времена, простые! – заметил я.

– Просто было-с, – заключил Яков Иванов, потом, подумав, продолжал: – Бывало, сударь, вся эта компания наедет к нам, сутки трои, четыре, неделю гостят, и теперь какую бы губернатор в доме вещь ни похвалил: часы ли, картину ли, мису ли серебряную, я уж заранее такой приказ имею, что

как вечер, так и несусь к ним в опочивальню, докладываю, что госпоже нашей очень приятно, что такая-то вещь им понравилась, и просят принять ее.

— Неужели же старуха все это из чехвальства делала? — спросил я.

— Чехвальство чехвальством, — отвечал Яков Иванов, — конечно, и самолюбие они большое имели, но паче того и выгоды свои из того извлекали: примерно так доложить, по губернскому правлению именье теперь в продажу идет, и госпожа наша хоть бы по дружественному расположению начальников губернии, на какое только оком своим взглянут, то и будет наше. Коли хоша я, поверенный госпожи Пасмуровой, пришел на торги в присутствие, никто уж из покупателей не сунется: всяк знает, что начальник губернии того не желает. Поблагодаришь кого и чем следует, а за именье что дали, то и ладно. Белогривское именье нам, сударь, этак попало по сто двадцати рублей в те времена, а я приехал принимать вотчину да по двести рублей с мужиков старой недоимки собрал, и извольте считать: во что оно нам пришло!

Яков Иванов потупился и вздохнул.

— Старик! Ведь это грех, ведь это то же воровство, — воскликнул я.

— Грех, сударь; в нищенстве и слепоте моей все теперь вижу и чувствую. В заповеди господней сказано: не пожелай дома ближнего твоего, ни села его, ни раба его, а старушка наша имела к тому зависть, хотя и то надобно сказать, все

люди, все человеки не без слабости.

На последние слова он сделал более сильное ударение.

– Выгодчики были с барыней-то своей, еще какие! – вмешалась вдруг возившаяся около печки Грачиха. – Про именье рассказываешь – нет, ты лучше расскажи, как вы дворянина за свою вотчину в рекруты отдали, – продолжала она, выходя из-за перегородки и вставая под полати, причем взялась одной рукой за брус, а другою уперлась в жирный бок свой.

Яков Иванов немного нахмурился.

– Как дворянина? – спросил я.

– А и сдали, – отвечала Грачиха, – не любила, сударь, их госпожа генеральша мужиков своих под красную шапку отдавать, все ей были нужны да надобны, так дворянин на ту пору небогатенькой прилучился: дурашной этакой с роду, маленького, что ли, изурочили, головища большая, плоская была, а разума очень мало имел: ни счету, ни дней, ничего не знал. Ну, а дворянством своим занимался тоже, разумел это. Вот соколики эти и подъехали к нему и стали его уговаривать: «Ты, говорят, барин, а живешь по работникам у мужиков, лучше бы в службу шел. Теперь, говорит, ты грамоте не поучен, и тебя по дворянскому роду не примут, а ступай за нашу вотчину, а после и объявишь об себе, тебя как дворянина и поведут». Тот сдуру-то, родных тоже никого не было, чтобы разговорить да посоветовать, а они его винищем поили да пряниками кормили, сдуру и согласился. Привели

баринка в присутствие, объявили за простого мужика, крикнули: «Лоб!», надели лямку и ступай, значит, марш заодно с рекрутами. Города через три али четыре тот и заявляет своему начальнику: «Я, говорит, дворянин». — «Какой, говорят, ты дворянин...» — попугал его маленько, а он все свое: дворянин да и только; и пошел к начальству выше, объявляет то же. Те смотрят по бумагам — видят — мужик, отрапортовали его уж как надо. Сердечный баринок наш видят, что, как о дворянстве объявит, — хлещут, взял да и отступился, оттрубил за их вотчину тридцать пять годков. Документчики какие были. Може, за эти выдумки родной кровью своей теперь и платится, — заключила Грачиха вполголоса, указав глазами на Якова Иванова, который, в свою очередь, весь ее рассказ слушал, потупив голову и ни слова не возражая. Я постарался опять переменить разговор и спросил старика:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.